

Подлинная популярность – союзница строгой научности

**М.В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости.
Издательство Ленинградского университета, 1958, 328 стр.**

«Вопросы философии», 3 (1960), с. 160-163

Об этой книге с самого начала хочется сказать: большой, настоящий успех. С первой страницы она овладевает вниманием читателя. Самый «узкий» и придирчивый специалист – философ, историк, экономист – найдет здесь для себя массу ценного материала (список оригинальной литературы, использованной автором, занимает почти тридцать страниц петита), много тонких и умных соображений, выводов, оценок. И вместе с тем она адресована самому широкому кругу читателей и этому адресу вполне соответствует.

Эта особенность книги – результат сознательной авторской установки: «Не поступаясь научным характером своего труда, изложить умственное развитие Энгельса в живой, повествовательной и по возможности увлекательной форме». Увлекает она прежде всего драматической напряженностью повествования. Но это достоинство не только «формы». Ведь драматизм не специально искусствоведческая категория, а прежде всего неотъемлемое свойство самих событий истории человечества, особенно ее революционных эпох. Революция есть всегда остро драматический акт разрешения противоречий, назревших между живыми людьми, между идейными позициями, которые они отстаивают.

И, пожалуй, главное достоинство рецензируемой книги заключается именно в том, что история революционного переворота, произведенного Марксом и Энгельсом в науке, предстает в ней как история трудного и напряженного сражения в сфере философско-теоретических идей, сражения, победа в котором была обусловлена «не одним чисто теоретическим пониманием общественных явлений: чтобы достигнуть такого понимания, нужно было обладать не только полным бескорыстием, но и глубокой искренностью, большим мужеством, независимостью, твердостью и цельностью характера».

В изображении автора, как и в реальной жизни, сталкиваются и объединяются не абстрактные идеи и тезисы, а их живые конкретные носители – люди, резче и острее других выражавшие типичные настроения, убеждения и взгляды тех или иных социальных сил. Обрисованы они в книге пером ученого-художника: Бруно Бауэра не спутаешь здесь с Эдгаром Бауэром. Руге – с Гессом, – и вместе с тем каждый из них воспринимается как обобщенно-типизирующий портрет целого класса, слоя людей. Идеи, теоретические формулы и концепции поэтому предстают перед читателем как «естественные» последствия и формы выражения жизненных, боевых позиций определенных социальных сил. Они буквально «видятся» из жизни эпохи, из ее противоречий и потому начинают звучать понятно без специальной расшифровки, без специального перевода на «современный»

популярный язык. Их вполне разъясняет тот фактически-исторический контекст, в котором они искусно подаются. Это большой плюс книги: ведь «комментирование от себя» всегда связано с опасностью упрощения, модернизации и даже вульгаризации рассматриваемых идей и часто ведет к произвольной отсебятине, к «улучшению» или к «ухудшению» истории.

Понятно, что в центре внимания автора облик молодого Энгельса. «Автор не скрывает своей горячей любви к Энгельсу; но, критически проследив извилистые пути его умственного развития, автор знает также, сколько рывков и ухабов, подводных камней и рифов молодой Энгельс преодолел в своей жизни. Путь его умственного развития был усеян не только розами, но шипами и терниями. Величие Энгельса состоит в том, что он, быть может, спотыкаясь и царапая себя, не падал духом, не свернул в сторону, а решительно и самостоятельно шел на столбовую дорогу к коммунизму».

Показывая молодого Энгельса как «живого человека с его страстями, увлечениями, колебаниями или преувеличениями», М.В. Серебряков делает его образ гораздо ближе и понятнее современному читателю.

Вся книга построена как конкретный, на строго документированных фактах развернутый ответ на прямо и остро поставленные вопросы: «Какими путями сын богатого барменского фабриканта порвал узы с буржуазными условиями родительской семьи? Почему живой, энергичный, богато одаренный и необычайно трудоспособный юноша не стал ни влиятельным бюрократом, ни знаменитым профессором, ни преуспевающим коммерсантом? Что побудило его сбросить «смирительную рубашку правоты», еще в детстве напуганную семьей, школой и церковью? Какую помощь в борьбе с религиозными призраками ему оказали Штраус, [160] Шлейермахер и Гегель? Как он перешел от гегелевского пантеизма сначала к фейербаховскому гуманизму, а потом к воинствующему атеизму и материализму?.. Кто помогал Энгельсу освобождаться от того консервативного настроения, которое царило в отчем доме? Почему он начал увлекаться «Молодой Германией», а затем разочаровался в младонемцах и решительно примкнул к Берне? В каком смысле этот «пророк свободы» наряду со Штраусом помог ему разобраться в гегелевской философии и перейти к левым гегельянцам? Чем Энгельс обязан «Галлеским» и «Немецким ежегодникам»? Как он попал в кружок «Свободных», присоединился к самому крайнему их крылу и здесь вел такую энергичную, такую плодотворную борьбу? Что превратило его в демократа, революционера и республиканца?» Как и почему самостоятельными, совершенно независимыми, но столь же необходимыми и логичными путями он достиг к весне 1845 года того пункта идейного развития, где его встретил упорно пробивавшийся в том же направлении молодой Маркс – тот друг и союзник в жизни, в политике и в теории, с которым он уже никогда не расстанется?

Раскрывая сущность революционного переворота, произведенного Марксом и Энгельсом, нередко поступают так: просто противопоставляют формулы зрелого марксизма формулам его теоретических предшественников, ограничиваются сравнением готового продукта процесса с его исходным материалом. Делать это не так трудно, да и изображение получается заманчиво контрастное: на первый план выступают одни различия, одни противоположности тезисов. Однако действительная революция в науке заключается не в простой замене тех или иных тезисов, положений и формулировок на прямо противоположные, а в глубоко конкретном, органическом преобразовании всей системы предшествующих идей. Сопоставлять готовые формулы легко, но малопродуктивно. Гораздо труднее, но и гораздо плодотворнее показать общие результаты революции в науке

вместе с процессом их вызревания, воспроизвести самый процесс, самый переход в его реальных коллизиях, в его трудностях и противоречиях. На этом пути и развертывает свое исследование М.В. Серебряков.

Такой подход позволяет автору с большим историческим тактом обрисовать и историю отношений молодого Энгельса к его современникам и идеям, которые они олицетворяли. Когда при характеристике ранних работ основоположников марксизма фиксируются лишь «зародыши» позднейших воззрений, а взгляды окружавших их людей освещаются только с той стороны, которая впоследствии подвергалась бичующей критике Маркса и Энгельса, то этим, хотя и этого авторы или нет, создается искаженное представление прежде всего о самих основоположниках марксизма в период становления их взглядов.

В книге очень хорошо показана идейная эволюция Энгельса. При этом автор учитывает также и то обстоятельство, что одна и та же идея или позиция может иметь в разных исторических условиях существенно разное звучание и значение и что определенный взгляд на вещи может превратиться из передового и революционного в консервативный и даже ретроградный не потому, что он сам по себе в чем-то изменился, а потому, что изменилась окружающая его духовная среда, потому, что развитие событий и идей оставило его позади.

В революционные эпохи идеи и концепции могут устаревать очень быстро, и М.В. Серебряков показывает, как идейные позиции, составлявшие, скажем, в 1842-1843 годах передний край научного фронта, уже в 1845-1846 годах превратились в его глубокий тыл, в тормоз научно-философского прогресса.

Именно этим обстоятельством М. В. Серебряков объясняет бичующую резкость критики, которую Маркс и Энгельс обрушивали на головы своих вчерашних единомышленников и друзей, на концепции своих теоретических предшественников. Эта критика имела для Маркса и Энгельса также и значение самокритики, была как раз той формой, в которой осуществлялось подлинно революционное унаследование рациональных зерен предшествующих позиций и концепций. Эта критика отнюдь не имела своей целью простое высмеивание и уничтожение тех позиций, к которым до этого примыкали сами Маркс и Энгельс. Как раз наоборот, – она совершалась во имя спасения тех ростков истины, которым становилось тесно в материнском лоне прежней позиции. Этим всегда и отличалось революционно-критическое отношение Маркса и Энгельса к своим теоретическим предшественникам. При таком освещении становится понятным, что, скажем, левогегельянство или «философский коммунизм», через которые прошли Энгельс и Маркс, не были просто «заблуждениями юности», а идейный союз с братьями Бауэр, с Гессом или Руге – недоразумением или чисто тактическим маневром. М.В. Серебряков показывает, что, несмотря на все слабости, столь остро выявленные позднее Марксом и Энгельсом, левогегельянство 1835-1842 годов было тем идейным течением, которое отвечало наиболее передовым и серьезным потребностям эпохи. Его основной пафос заключался в стремлении связать философию с жизнью, с борьбой политических партий, поставить гегелевскую диалектику на службу социальному и политическому прогрессу, обратить всю ее мощь против сословно-феодального строя и его идеологии. Именно поэтому и молодой Энгельс и молодой Маркс независимо друг от друга потянулись к этому течению.

Шаг за шагом прослеживает автор, как попытка использовать гегелевскую диалектику в этом плане приводила молодого Энгельса к уразумению двойственности канонического гегельянства, ставила его в критически-оппозиционное отношение к догмам системы, но тем самым позволяла ясно разглядеть и творчески усвоить вызревший в ней диалектический метод. М.В. Серебряков показывает, что только в огне политической борьбы, только в ходе

применения [161] гегелевской философии к острейшим проблемам современности могла быть расплавлена окаменевшая руда гегелевской системы и выделен благородный металл диалектики.

Тем самым в книге дается единственно верное освещение вопроса о преемственности в идейно-теоретическом развитии. М.В. Серебряков показывает, что подлинно творческое наследование предшествующей духовной культуры заключается не в простом заимствовании тех или иных теоретических формул, а в критически-революционной переработке учения в целом, и что такая переработка предполагает самое серьезное и глубокое усвоение идейного материала. Левогегельянство молодого Энгельса и выступает в книге как закономерная фаза революционно-критического усвоения гегелевского наследства. Острота критического отношения к этому наследству сочетается у Энгельса с самым внимательным и систематическим его изучением.

Те черты ума и характера молодого Энгельса, благодаря которым он неуклонно и совершенно самостоятельно продвигался в том же направлении, что и Маркс, М.В. Серебряков выявляет, проводя целый ряд параллелей с судьбами его современников – тех людей, которые по разным причинам и обстоятельствам «застревали на полдороге», отчаивались и сворачивали с пути. Весьма поучителен и даже актуален в наши дни, когда некоторые ревизионисты стараются выдать за «подлинную сущность марксизма» абстрактно-философские тезисы об «отчуждении человеческой сущности» и о «снятии этого отчуждения», анализ идейных позиций М. Гесса. Этого человека многое роднило с Марксом и Энгельсом. Уроженец Рейнской области, он так же, как и они, решительно порвал с религиозно-консервативными традициями буржуазной семьи и среды. «Энтузиаст с энергичным и деятельным характером», он вместе с младогегельянами и в том числе с Энгельсом «желает засыпать пропасть, вырытую между теорией и практикой, между мышлением и действием», «борется со стремлением Гегеля подчинить природу духу», пытается «связать философию не только с политикой, но и с утопическим социализмом», и уже в 1842 году становится ревностным сторонником идей коммунистического преобразования отношений собственности, усматривая корень всех зол в том, что «промышленность из рук народа перешла в руки капиталистов». Тем не менее пути Гесса скоро разошлись с путями Энгельса и Маркса. Гессу, как убедительно показывает М.В. Серебряков, недоставало важного качества – серьезного, систематического отношения к теории, к философии. Он поспешил связать с коммунизмом, с реальным рабочим движением наскоро усвоенные, по большей части из вторых рук, абстрактные философско-этические истины. Как показали впоследствии в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс, реальные интересы рабочего движения ничего не выигрывали от того, что с ними связывали философско-беллетристическую фразеологию гегелевско-фейербаховского происхождения. М. Гесс «мечтал о будущем прекрасном строе, но не отличался способностью выражать свои идеи ясно и определенно. Он видел далекие перспективы, но не умел ни бесстрашно анализировать действительность, ни систематически обобщать, ни последовательно строить науку». В итоге у Гегеля он научился только терминологии, но не методу, а его роль в рабочем движении оказалась не ролью теоретика, освещающего пути и перспективы, а ролью полуфилософа-полубеллетриста, к которому Маркс и Энгельс вскоре стали относиться с нескрываемой иронией.

Показывая процесс перехода молодого Энгельса с позиций «философского коммунизма» на материалистические позиции пролетарского коммунизма, М.В. Серебряков поднимает обширные материалы, касающиеся пребывания Энгельса в Англии. Эти материалы наглядно показывают, что только непосредственное наблюдение сложных коллизий разгоравшейся в

Англии классовой борьбы, непосредственное знакомство деятелями и теоретиками чартистского движения дали возможность Энгельсу совершить решающий шаг от абстрактно-философского принятия коммунистических идей к конкретно-историческому, материалистическому пониманию реального содержания этих идей. Окунувшись в гущу политической и экономической борьбы английского пролетариата, молодой Энгельс своими глазами увидел то, что он не мог вычитать ни из каких книг, в том числе и из книг деятелей и теоретиков самого рабочего движения, ибо последние, как правило, рассматривали действительность сквозь мутные очки наивно-утопических иллюзий. В их головах рабочее движение обретало поэтому довольно ложное «самосознание».

«От английских социалистов Энгельса отделял высокий барьер – немецкая классическая философия. Он сам хорошо сознавал это». Но, как показывает М.В. Серебряков, это был «барьер» особого рода. Многих современников Энгельса он лишь отделял от реальной действительности, мешал разглядеть ее.

Однако лишь тот, кто критически преодолевал этот «барьер», получал возможность глубоко, теоретически осмысливать действительность. В совершенстве владея диалектикой, этим остро отточенным оружием, Энгельс ясно увидел в английской социальной действительности все то, чего не видели теоретики чартизма и оуэнизма. Его взор устремился в основу основ общественного организма – в сферу экономических отношений людей. Плодом кратковременных, но очень интенсивных занятий политической экономией и были гениальные «Наброски к критике политической экономии». Здесь «Энгельс впервые творчески набросал экономический эскиз научного социализма», столь высоко оцененный Марксом.

И именно здесь, на английской почве, где возникло первое сознательное, действительно массовое движение пролетариата, происходит окончательное созревание социалистических убеждений Энгельса. «Зарево классовой борьбы ярко осветило прорехи его собственного идеологического [162] умозрения». В этом зареве померкли и растаяли бледные тени «философского коммунизма». Перед Энгельсом теперь прорисовывалась новая широкая дорога. Первые шаги по этой новой дороге он и делает в своих очерках в газете «Вперед», анализом которых заканчивается книга М.В. Серебрякова. В них подытоживается переход Энгельса от революционного демократизма к пролетарскому коммунизму и от идеализма к материализму. Энгельс самостоятельно выходит к преддверию исторического материализма.

«Здесь кончается его самостоятельное умственное развитие. В начале сентября 1844 года он покидает Англию и во время кратковременного пребывания в Париже встречается с Марксом. Там между ними завязывается беспримерная дружба и начинается совместное творчество. Продукт этого творчества – марксизм».

Этими словами кончается книга, книга хорошая, умная, поучительная. Основной ее недостаток, пожалуй, состоит в том, что она издана чрезвычайно скромным тиражом – всего 8 тысяч.

Другие недостатки – отдельные опечатки и неточности (см., например, стр. 230, 257) – будут легко исправлены редактором следующего издания, которое, надо думать, не заставит долго себя ждать.

Из более существенных упущений отметим следующее: несколько неожиданным выглядит в книге тот факт, что уже в 1840 году юноша Энгельс выступает как вполне

сформировавшийся революционный демократ. Предшествующее изложение его биографии М.В. Серебряковым не делает этот факт вполне понятным. Далее, при анализе статьи М. Гесса о централизации (на стр. 169) автор почему-то не привел – трудно допустить, что он ее не знал, – оценку этой статьи молодым Марксом, сделанную в незаконченной рецензии. Сопоставление статьи с этой оценкой внесло бы новый штрих в анализ отношения молодого Маркса к так называемому «философскому коммунизму». Тот факт, что Маркс в 1842 году так быстро и остро критически откликнулся на статью Гесса, но по каким-то причинам не опубликовал своей критики, сам по себе представляет интерес.

Э.В. Ильенков

[163]